

Соблазнительный голос в мгновение ока сменился ледяным шипением, и Фэн Сюя расслышал едва различимое:

— Идиот!

Раздался резкий свист, и очередная плеть-лоза, подобно пущенной стреле, пробила бок Янь Фуи, брызнув багровой кровью.

На стеблях, опутавших его тело, в тот же миг проступили черные шипы. С противным, скрежещающим звуком они начали стягиваться, точно питон, удушающий добычу.

Янь Фуи закрыл глаза, не проронив ни звука, но его скрытое черным одеянием тело крупно задрожало. Глядя на это, Фэн Сюя почувствовал, как у него самого от сострадания переворачиваются внутренности. Морок, окутывавший его разум, внезапно рассеялся.

Словно прохладный ливень хлынул на воспаленную голову, смывая мутную взвесь. Мысли мгновенно прояснились.

Он все вспомнил.

Да, именно сегодня утром небесные демоны пошли на яростный штурм, но их натиск неведомым образом захлебнулся. Орда за стенами будто отступилась и затихла.

Никто не понимал, в чем дело, но защитники поспешили воспользоваться передышкой, чтобы перевести дух.

Обморочного Янь Фуи нашли дозорные у зубцов крепостной стены. Юй Чанмин спешно созвал лучших лекарей Мосяна, а после буквально притащил туда упирающегося Фэн Сюя, заставляя просить прощения.

Фэн Сюя помнил лишь собственное глухое раздражение. Он толкнул дверь пустой комнаты, не успел ничего разглядеть — и его утащило...

"Это иллюзия!"

"Это место — иллюзорный мир!"

Фэн Сюя не был глуп. Напротив, во всем, что касалось духовного пути и практик, его ум отличался поразительной живостью.

Сейчас небесный демон его не замечал, и давление на духовное сознание ослабло. Фэн Сюя

быстро связал разрозненные нити воедино.

Шисюн Янь развернул формацию Малого Светлого Владыки. Очевидно, это был единственный способ уберечь жителей Мосяна. Но как небесному демону разрушить такую защиту? Фэн Сюя лихорадочно припоминал древний свиток, когда-то попавшийся ему на глаза. Там говорилось...

У формации Малого Светлого Владыки есть лишь одна уязвимость: создатель барьера должен собственноручно ударить того, кого вызвался защищать.

Вот почему тварь затащила его в морок! Демон пытался осквернить его разум, сделать палачом для Янь Фуи и заставить того защищаться, нанеся ответный удар.

Едва осознав это, юноша обнажил меч и ринулся в бой.

Помысел юного мечника был прост: он обязан спасти шисюна Яня. Во что бы то ни стало. Проклятый демон безжалостно истязал его в этом кошмаре лишь ради того, чтобы сокрушить барьер. Одному небу известно, сколько длились эти пытки.

— Какое жалкое ничтожество, верно?

Омерзительный ледяной шепот змеился со всех сторон. Сознание Янь Фуи угасало, в ушах стоял непрерывный гул. И все же сквозь эту пелену он слышал, как мальчишка раз за разом бросается в атаку и раз за разом отлетает прочь, сбиваемый яростными порывами защитного вихря демона.

Янь Фуи хотел крикнуть Фэн Сюя, чтобы тот остановился, но у него не хватало сил даже разомкнуть челюсти. Да и толку-то? Все равно ведь не послушает.

Те, кто посвятил себя пути меча, упрямы до безумия. Шихэн Фуюй как-то раз в шутку назвал их «бестолковыми чурбанами, у которых одна извилина на всех».

Терновые путы, впившиеся глубоко в плоть, внезапно ослабли. Янь Фуи, подобно подстреленной птице, рухнул наземь.

Он тяжело упал в дорожную пыль. До ушей долетел отчаянный, сорванный крик Фэн Сюя:

— Шисюн Янь!

Окровавленное запястье Янь Фуи слабо дернулось в грязи, пальцы судорожно скрючились,

сисясь зацепиться хоть за что-нибудь.

Было невыносимо больно.

Ему не привыкать терпеть муки, но демонические пытки, призванные сломить волю заклинателя, превосходили любые человеческие пределы.

Пока барьер не рухнул, демон не собирался лишать его жизни. Однако его жестокость ни в чем не уступала тому дню, когда Янь Тиншуан вырывал у него кости меча. Истерзанные меридианы словно выжигало изнутри ядовитым пламенем, в груди пекло так, будто туда вогнали раскаленный штырь. Каждый вдох отзывался мучительной вспышкой. Плотная повязка давно сползла с глаз, обнажая искаженное лицо; капли холодного пота катились по сведенным бровям, дрожали на мокрых ресницах и срывались вниз.

Небесный демон протянул когтистую лапу и грубо сжал горло Янь Фуи.

— Неужели ты настолько не боишься смерти? — прошипел он, вглядываясь в бледное лицо пленника. — Готов сдохнуть ради кучки ничтожных червей?

— Ты... не убьешь меня.

Пленник почти никогда не достаивал его ответом, и демон от удивления даже ослабил хватку. В его глазах вспыхнул искренний интерес.

— Откуда такая уверенность?

Пальцы на шее сжались крепче, предупреждая о расправе.

С трудом переводя дух, Янь Фуи заговорил — тихо, делая паузы после каждого слова:

— Ты... небесный демон на стадии Зарождения Души. И тебя отправили... в захолустный приграничный город смертных. В Мосяне есть то... что вам нужно.

Тварь замерла, веселость мгновенно сошла с ее лица.

— Что верно, то верно, — легкомысленно ухмыльнулся демон, не став отпираться. — Кое-что я ищу. Но не факт, что ценность скрыта именно здесь. Достопочтенный владыка приказал мне обыскать окраины просто на всякий случай.

Он убрал руку от чужого горла, но его иссиня-черные когти скользнули по лицу Янь Фуи, очерчивая линию подбородка и лениво задерживаясь у вздымающегося кадыка.

— Руки так и чешутся свернуть тебе шею, — доверительно поведал демон с напускным вздохом. — Но если я вернусь ни с чем, Достопочтенный владыка пустит меня на удобрения за излишнее самоуправство.

Острый коготь рассек нежную кожу, оставляя на шее тонкую полоску крови.

— Тогда... — тихо произнес Янь Фуи, — как насчет сделки?

Неведомо каким усилием воли он уперся ладонями в грязную землю и заставил свое изможденное тело приподняться.

Кровь, пропитавшая черные рукава, заструилась по белым, почти прозрачным запястьям и мерно закапала на землю.

Он вел себя так, словно искренне заботился о чужих проблемах. Посреди этой мрачной иллюзорной тюрьмы израненный юноша медленно расправил плечи.

Тварь с любопытством наблюдала за ним, забавляясь видом пойманной птицы, которая упрямо отказывалась ломаться.

Янь Фуи покачнулся, но все же поднялся на ноги. Из его лба струилось едва заметное серебристое сияние. Оно, точно живая ртуть, перетекло в ладонь, принимая очертания загадочного, зловещего узора.

Мерцающий узор вспыхнул и обратился узким, длинным клинком — ослепительно ярким, холодным и грозным.

Выдохнув, Янь Фуи встал в атакующую стойку. На лезвии, чистом как зеркальная гладь осеннего озера, отразился его немигающий, пустой взгляд.

— Это мой духовный меч, его имя — Уван. Если ты не против пари, усьмири свою темную ци и сразись со мной в поединке. Выиграешь — забирай Мосян.

Его вера в собственные силы казалась безумной. Но для утомленного бесплодными пытками демона такое предложение было настоящим подарком — куда лучшим, чем тратить время на упрямого пленника.

Тварь задумалась. Мальчишка прославлен как гений, но за его плечами едва ли наберется пара десятков лет практики. К тому же сейчас он истощен и держится лишь на честном слове. Вызов был слишком соблазнительным, чтобы от него отказываться.

— А если победишь ты? — уточнил демон, выпрямляясь. — Какова моя ставка?

— Отпусти Фэн Сюя, — без колебаний ответил Янь Фуи.

Демон лишился дара речи. Он ожидал любых условий: свободы, нового духовного корня, восстановления разрушенного золотого ядра... Но цена, которую запросил этот глупец, оказалась до смешного ничтожной.

Сделка обещала быть беспроблемной.

— Идет, — ухмыльнулся он.

Отрезанный бушующим вихрем Фэн Сюя не мог промолвить и слова. Ему оставалось лишь бессильно наблюдать, как в самом сердце бури вспыхнуло ослепительное серебряное сияние. Духовный меч Янь Фуи, о встрече с которым Фэн Сюя так долго грезил, нес в себе непреклонную, сокрушительную волю своего господина.

Фэн Сюя сошелся с Юй Чанмином во время странствий. Он прекрасно помнил, как маркиз рассказывал о своем спасителе — благородном заклинателе в белоснежных одеждах, чей облик напоминал сияние луны. Его верный клинок звался Уван.

Последние слова Янь Фуи, размытые свистом рассекаемого воздуха, прозвучали на удивление мягко:

— Прошу, нападай.

Тьма чудовищ, еще вчера осаждавшая Мосян, растаяла без следа всего за одну ночь.

Жители пребывали в полнейшем смятении, теряясь в догадках, однако главное было очевидно — они уцелели.

Гуань Сяохуа ускользнула из лагеря беженцев Лаотана, ничего не сказав бабушке. Девочка надеялась разузнать хоть что-то об отце и матери, да и о названом старшем брате она сильно беспокоилась.

Взрослые твердили, будто старший брат сражался на стенах как настоящий герой. Но Сяохуа не могла избавиться от страха: вдруг этот защитник снова угодил в беду, точно лисенок в капкан?

На улочках бурлила жизнь. И пусть вокруг виднелись следы недавних сражений и раненые, ликование горожан затмевало празднование Нового года. Кто-то истошно орал от радости, кто-то рыдал навзрыд в чужих объятиях, а иные и вовсе метались в толпе без разбору. Сяохуа во

все глаза смотрела на чудаковатого старика, который сперва промчался до конца переулка, а затем со всех ног припустил обратно.

Вероятно, они просто обезумели от счастья. Как говаривала бабушка: «Человек от великой радости умом тронуться может».

Сяохуа упрямо прокладывала себе путь сквозь гомон голосов. Ей нужно было отыскать старшего брата, ведь он непременно помог бы разыскать родителей.

В этот миг с небес внезапно посыпались цветы.

Нежно-розовые лепестки с золотистой и багряной сердцевинкой медленно кружились в воздухе, источая тонкий аромат. Должно быть, это были очень дорогие, редкие бутоны.

Смертные задрали головы к ослепительному солнцу. Прямо над городом плыл роскошный паланкин, в который были запряжены два сияющих радужным оперением феникса. При каждом взмахе крыльев сказочные птицы рассыпали золотые искры.

Люди стояли, разинув рты. Очевидно, это были не чудовища, а истинные небожители, принесшие благословение и мир.

Величественный, чистый голос раскатился над домами:

— Указ Десяти Тысяч Зверей дарует спасение миру!

— Боги... Сами боги снизошли, чтобы спасти нас! — шептали в благоговении горожане.

Сяохуа тоже глядела ввысь. Ее зоркий взгляд различил на паланкине юношу с фиолетовыми волосами и глазами цвета сирени, чья дивная красота казалась неестественной, почти пугающей.

Сама не зная почему, девочка сразу невзлюбила этого гостя. Он напоминал ей заносчивого толстяка с окраины их деревни — такого же вредного и упрямого задиру, который вечно пытался отобрать игрушечный меч, выстроганный для Сяохуа названным братом.

"Какая мерзкая рожа."